

Чингиз АБДУЛЛАЕВ

КОГДА КОРОЛЬ СТАНОВИТСЯ ПЕШКОЙ

МАГИЯ ЛЖИ

Чингиз Акифович Абдуллаев
Магия лжи
Серия «Дронго», книга 112

текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6662058
Чингиз Абдуллаев. Магия лжи: Эксмо; Москва; 2014
ISBN 978-5-699-70137-7

Аннотация

После смерти Туркменбаши высокопоставленный чиновник Ягмыр Пурлиев бежал из Ашхабада и скрылся от новых туркменских властей в Москве. Прошли годы. Пурлиев прочно обосновался в России: организовал прибыльный бизнес, купил шикарный автомобиль и построил роскошный особняк в фешенебельном подмосковном поселке. Стал богатым и уважаемым человеком и о родной Туркмении совсем позабыл. Но в один прекрасный момент все изменилось. Пурлиев заметил за собой слежку и решил, что его снова преследуют сотрудники госбезопасности Туркмении. Он обратился за помощью к сыщику Дронго и попросил выяснить, что же нужно туркменским властям от него. Ведь прошло уже столько лет...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	10
Глава 3	17
Глава 4	23
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Чингиз Абдуллаев

Магия лжи

*Кружилось надо мной вранье,
Похожее на воронье.*

Белла Ахмадулина

Обычно наши действия так резко противоречат друг другу, что кажется невероятным, чтобы они исходили из одного и того же источника.

Мишель Монтень

Счастье и ложь не могут сосуществовать, ибо в тот день, когда счастье будет признано ложью, оно перестает быть счастьем.

Андре Моруа

Глава 1

Когда пошел дождь, они не стали ускорять шаг, не обращая внимания на крупные капли, падающие сверху. Автомобиль свернул на повороте, высадив обоих друзей достаточно близко к дому, где находился их офис. Со стороны это было неприметное здание, находящееся в одном из дворов на проспекте Мира. Обычно машина высаживала их на углу, не подъезжая к офису, чтобы не привлекать внимания соседей. Двое приехавших мужчин редко бывали здесь. В основном в офисе работали Леонид Кружков и его супруга, выполнявшая обязанности секретаря. Вдвоем они занимались всеми техническими проблемами. Тогда как Дронго и его напарник Эдгар Вейдеманис предпочитали принимать гостей в московской квартире Дронго, в которой он проживал один.

Но сейчас оба напарника спешили на встречу с необычным посетителем, настаивавшим на подобном свидании уже почти два месяца. Все началось с того, что однажды незнакомец позвонил Вейдеманису, узнав неизвестно каким образом его телефон, попросил о срочной встрече, не называя своего имени и цели своего возможного визита. Эдгар вежливо пояснил, что Дронго нет в Москве. Назойливый посетитель перезвонил через две недели, опять не представившись и не назвав причину своего звонка.

Вейдеманис снова ответил, что его напарник находится в Италии и прибудет только через две недели. Незнакомый требовал дать ему номер телефона эксперта, но Эдгар отказался, сказав, что не может этого сделать. Мужчина звонил еще несколько раз, а три дня назад во время очередного звонка сообщил, что знает о приезде господина Дронго и просит принять его по неотложному делу. На этот раз он представился, назвавшись Ягмыром Пурлиевым.

Было решено принять его в здании офиса на проспекте Мира, куда и направлялись двое напарников, чтобы познакомиться с назойливым незнакомцем. Ровно в полдень за дверью появился мужчина лет пятидесяти, среднего роста, достаточно тучный, коротко остриженный, с характерным разрезом азиатских глаз. У него были мясистые, немного оттопыренные уши, густые брови, тяжелый подбородок, полные губы. Уже по его имени и фамилии Дронго понял, что необычный визитер – выходец из Туркмении. Слово «Ягмыр» означало

по-туркменски «дождь». Он сидел в кабинете, когда Вейдеманис вместе с гостем появились на пороге. Дронго поднялся, пожал гостю руку, и мужчины расселись в кресла.

– Я вас слушаю, – сказал эксперт, заметив при этом: – Вы проявили достаточно большую настойчивость, пытаетесь встретиться со мной.

– Верно. Мне было просто необходимо с вами встретиться. И с каждой неделей необходимость такой встречи только возрастала. Мне кажется, что только такой человек, как вы, может помочь мне и моей семье.

– Давайте по порядку, – предложил Дронго. – Какое у вас дело и чем именно я могу вам помочь?

– Я из Туркмении, – начал гость, – работал там заместителем министра экономики. Но десять лет назад я оттуда сбежал. Чудом сбежал. Тогда было совершено покушение на жизнь нашего бывшего президента Сапармурада Ниязова. И в этом покушении обвинили целую группу высокопоставленных чиновников, среди которых были министр иностранных дел Борис Шихмурадов и министр сельского хозяйства Имамберди Ыклымов. В число «заговорщиков» случайно попал и я. Уже тогда все понимали, что это просто очередная кампания по избавлению от неугодных людей, которых «Великий вожь всех туркмен» решил поменять. Меня объявили в международный розыск вместе с несколькими чиновниками, которым удалось сбежать. Остальных арестовали. Как мне удалось бежать, об этом лучше не вспоминать. Это настоящий детектив. Я удрал практически в одном костюме. К счастью, в этот момент моя супруга с дочерью были в Европе, и мне удалось перехватить их, пока они не вернулись назад, в Ашхабад. С тех пор мы и живем в Москве. Вот уже сколько лет. В общем, обычная история политического эмигранта.

– И вы не пытались вернуться обратно в Туркмению после смерти Туркменбаши? – спросил Дронго.

– Нет, конечно, – ответил Пурлиев, – разве вы не знаете, что там ничего не поменялось. Одного Туркменбаши сменил другой. Некоторые уверяют, что это был его внебрачный сын. Они действительно очень похожи. Но я думаю, что это обычные слухи. Просто Бердымухаммедов был любимчиком Ниязова. Иначе он бы не стал министром здравоохранения и вице-премьером. Знаете, что такое должность министра здравоохранения в такой мусульманской стране, как наша? Это «хозяин жизни», который знает много секретов, в том числе и про истинное состояние здоровья очень больного Ниязова. На должность министра здравоохранения обычно назначают либо близких людей, либо родственников. Все знали, что у Ниязова был тяжелый диабет и проблемы с сердцем. Но он пытался держаться молодцом, строил планы на много лет вперед.

«Великий вожь» был очень «скромным человеком». Он отказался от шестого звания Героя Туркмении, решив, что достаточно быть пятикратным. В конце концов переплюнуть Брежнева ему не захотелось. Вы, наверное, слышали, что он отменил Восьмое марта, перенес женский праздник на день рождения своей матери. Может, даже слышали про нашу Конституцию со словами верности Туркменбаши. И это в двадцать первом веке!

– Обычная мусульманская страна со своим диктатором, – улыбнулся Дронго, – ничего отличного от других республик Средней Азии. Может, только культ был немного смешным. Я читал его опусы. Покойный Туркменбаши всерьез уверял, что колесо и телегу изобрели туркмены, и вообще туркмены являются прародителями более чем семидесяти народов. Такой вот великий народ. А потом он своим указом закрыл оперу, балет и цирк, пояснив, что туркменам не нужны эти виды искусства, упразднил творческие союзы и закрыл библиотеки. Как видите, я знаю достаточно о вашей республике.

– Я так и думал, – кивнул Пурлиев, – поэтому и искал такого известного эксперта, как вы. Практически все знакомые прокуроры и следователи уже здесь, в Москве, уверяли меня, что вы самый лучший сыщик.

– Давайте более конкретно, – предложил Дронго.

– Конечно. Вам будет гораздо легче понять, что именно происходит с нашей семьей. В последние несколько месяцев я чувствую, что за мной следят. Видимо, новый «Вождь» решил послать сюда своих агентов, чтобы выкрасть меня или членов моей семьи и попытаться вернуть обратно в Ашхабад. Я даже думаю, что речь идет не столько обо мне, сколько о моих жене и дочери. Меня взять живым им не удастся, а вот если они возьмут кого-то из членов моей семьи, мне придется вернуться. Если вы помните, в Ашхабад добровольно вернулся бывший министр иностранных дел Борис Шихмурадов. Говорили, что в заложниках у власти были его близкие люди. И когда он появился, сразу состоялся публичный процесс в стиле тридцатых годов. На нем бывший министр иностранных дел «признавался» во всех несуществующих грехах. Говорил, что мы действительно преступная группа, и в нас нет ничего человеческого. В общем, эти мерзавцы заставили его исполнить свою роль до конца, – жестко добавил Пурлиев.

– А вы ничего подобного не делали и пострадали случайно? – пытаюсь избежать сарказма, произнес Дронго.

– Полагаю, что да. Ни в каких заговорах я не замешан. Ни в каких антиправительственных кампаниях не участвовал. Я был близок к некоторым министрам, и это меня погубило. Десять лет назад мне было только тридцать пять, и я считался одним из самых перспективных политиков в нашей стране. Но меня всего лишили – дома, работы, родителей – и выкинули из страны без ничего.

– И где вы обитаете в Москве?

– В Жуковке. Мы купили там небольшую дачу.

– Понятно. И вы считаете себя несправедливо обиженным, за которым сейчас идет охота туркменских спецслужб?

– Да, – кивнул Пурлиев, – поэтому пришел к вам просить о помощи. Сейчас понимаю, что нужно было действительно бороться с этим преступным режимом. Это был просто перевернутый мир. И мы молчали, никак не протестуя, – с нарастающим ожесточением добавил он.

– И теперь вы стали оппозиционером, – не скрывая иронии, заметил Дронго.

– И непримиримым, – подтвердил Пурлиев, не обращая внимания на сарказм своего собеседника. – Уже здесь, в Москве, я осознал, в чем именно состоит мой долг. Мы будем бороться до конца с этим преступным режимом. Теперь дети в школах изучают не дебилские тексты бывшего диктатора, аopus нынешнего президента «К новым высотам прогресса». Все повторяется по кругу.

– И в случае с оппозиционерами тоже, – неожиданно согласился Дронго. – Дело в том, что я встречал много подобных оппозиционеров из бывших чиновников и функционеров, которые становились непримиримыми оппонентами действующей власти, как только их лишали занимаемых постов и соответственно денежных доходов. Так происходит во многих республиках бывшего Союза. Пока чиновник или депутат у власти, он клянется в верности существующему режиму и президенту. Какие только слова он не готов говорить в адрес правителя, какие заявления в своей верноподданности делать. Но как только его лишают этой власти и бюджетной кормушки, откуда он черпает свои несправедливые доходы, он сразу переходит в оппозицию. Вы не можете себе представить, сколько бывших министров и депутатов я знаю, которые «прозревают», лишившись своих постов, и сразу начинают говорить о демократии и справедливости. Причем чем больше они получили на прежней должности, тем сильнее их досада и разочарование и с тем большей яростью они готовы драться за свои утраченные привилегии и деньги. Вам не кажется, что у вас похожий случай?

– Почему вы так решили? – нахмурился Пурлиев.

– Посмотрите на свои часы. Это ведь «Вашерон Констант». Такая модель стоит около сорока тысяч евро. И еще вы живете в Жуковке, на небольшой даче, как вы сказали. Любая недвижимость в этом поселке начинается с миллиона долларов. Сколько стоит ваш участок? Два, три, пять миллионов?

– Я бизнесмен, – возразил Пурлиев, – и у меня хороший бизнес.

– Не сомневаюсь. Учítывая, что десять лет назад вы сбежали в одном костюме, оставив все в Ашхабаде. Когда вы купили свой дом в Жуковке? Только откровенно, иначе я не буду с вами вообще разговаривать. Учтите, что это легко проверить.

– Девять лет назад, – нехотя выдал Пурлиев.

– Тогда получается, что вы за год заработали деньги на дом в Жуковке, – усмехнулся Дронго. – Значит, вы либо торговали наркотиками, либо получили нефтяную скважину.

– Не нужно меня оскорблять, – возмутился Пурлиев, – я бизнесмен...

– Это я уже слышал. Вы пришли к нам за помощью. Если мы не будем доверять друг другу, то ничего не получится. Вы даже не можете себе представить, сколько известных людей я знаю в Баку, Тбилиси или в Астане, которые, сидя на бюджетных должностях и успешно воруя государственные бюджетные средства, были верными сторонниками правящих кругов. А как только их отстраняли от кормушки, они превращались в борцов с правящими режимами. Человеческая порода неизменна в своих худших проявлениях. Это в данном случае не к вам, это вообще мои рассуждения о подобных «политиках». Вы, очевидно, имели счета за рубежом, о которых не знали в Ашхабаде? Только не отрицайте очевидного, вы ведь были «бизнесменом», еще работая заместителем министра?

– Никто не возражал против того, чтобы мы занимались бизнесом, – негромко произнес Пурлиев, – это было уже не социалистическое общество.

– Прибыль – прежде всего, – кивнул Дронго, – все понятно. Где вы сейчас работаете?

– У меня небольшая инвестиционная компания, – уклончиво ответил гость, – не очень крупный бизнес. Только девятнадцать сотрудников. Но на жизнь удастся заработать, с голоду мы не умираем.

– Понятно. А чем именно вы занимались в министерстве экономики, какую сферу курировали?

– Газовые месторождения и контракты. – Было заметно, что гостю не очень хочется говорить на подобные темы, но он сознавал, что Дронго легко проверит его ответы. Достаточно найти любого знакомого в Ашхабаде и узнать, чем именно занимался бывший заместитель министра экономики.

– Туркмения занимает второе место в мире по газовым месторождениям, – задумчиво проговорил Дронго. – Тогда все понятно, вы приехали в Москву не самым бедным человеком и не можете простить ашхабадским властям, что вас лишили подобных доходов.

– Возможно, и так, – согласился Пурлиев, неприятно усмехнувшись, – я не могу и не хочу им простить, что они лишили меня Родины на целых десять лет. Лишили общения с родителями и родственниками, которые остались в Туркмении. Я ведь мог стать министром, и все считали, что я буду на этой должности очень компетентным и подготовленным. А из-за всей этой истории мне пришлось бежать из страны. И даже теперь они не могут оставить меня в покое.

– Что именно вы хотите?

– Прежде всего обеспечить безопасность моей семьи, – пояснил Пурлиев, – я готов заплатить любые деньги, чтобы они оставили в покое мою жену и дочь. Я мог бы послать их куда-нибудь в Европу, но боюсь, что их найдут и там. Но самое ужасное, если они уедут, я не смогу поехать с ними, ведь я до сих пор нахожусь в международном розыске. И мне посоветовали обратиться именно к вам. Меня уверяли, что только вы можете решить наши проблемы.

– Интересно, каким образом? Попросить нового главу Туркмении не преследовать вас?
– Не знаю. Но вы, правда, не представляю, каким образом, сможете защитить мою семью. Я прошу вас согласиться на наше сотрудничество и завтра утром приехать ко мне в Жуковку, чтобы мы могли на месте все обговорить.

– Почему ваша страна просто не требует вашей выдачи? – поинтересовался Дронго.

– Это невозможно. Я получил пять лет назад российское гражданство, – пояснил Пурлиев, – и моя семья – тоже граждане России.

– Тогда нужно обращаться за помощью к местным правоохранительным службам. Они обязаны вас защитить.

– Нет, – возразил Пурлиев, – никто из них не сможет меня нормально защитить. Да и потом, у меня могут быть проблемы...

– Гражданство, – понял Дронго, – очевидно, и его вы получили соответствующим образом, то есть не очень законно?

– Откуда вы знаете? – поразился Пурлиев.

– Бывший чиновник, привыкший решать вопросы нетрадиционным способом, – ответил Дронго, – вы просто купили гражданство себе и членам своей семьи? Верно?

– Да. Именно поэтому я не могу обращаться в местные правоохранительные органы, может всплыть слишком много вопросов. А вам будет легче. Мне говорили, что у вас большие связи с местными следователями, прокурорами, полицией. Вы ведь самый известный эксперт, и вас все знают, в том числе и в Туркмении.

– С чего вы взяли, что за вами следят? Если это профессионалы, то вы не должны были их заметить.

– Они работают достаточно грубо. Даже мой водитель обратил на них внимание. Обычно дежурят на выезде, где начинается шоссе. Там крутой поворот. Их машины идут следом за нами, почти не таясь. Поэтому я искал вас. Я боюсь за свою семью, – торопливо произнес Пурлиев.

Дронго нахмурился.

– Речь идет о моей супруге и дочери, – добавил гость. – Я прошу вас завтра приехать к нам и самому убедиться во всем. Конечно, вы можете отказаться, я же не могу вас заставить.

– Сколько лет вашей дочери? – вместо ответа спросил Дронго.

– Уже семнадцать. Сложный возраст. В следующем году она будет поступать в институт, и я хотел бы оградить ее от разных проблем.

– А супруга? Чем она занимается? И сколько ей лет?

– Тридцать девять. Она вышла за меня замуж, когда ей было чуть больше двадцати и она училась в медицинском на пятом курсе. Потом работала некоторое время врачом, но после рождения дочери я решил, что будет правильно, если она уйдет с работы и займется воспитанием ребенка. К тому времени я был уже начальником управления Министерства экономики. Мне было двадцать девять лет. У нас с ней шесть лет разницы.

– В Москве она работает?

– Конечно нет. Сначала мы получали гражданство, потом пытались прятаться от старых властей, сейчас от новых. Все перемешалось, – вздохнул Пурлиев.

– И молодая женщина столько лет сидит дома?

– Она не сидит дома, – мрачно пояснил гость, – ездит по курортам, у нее есть подруги, отдыхает в Крыму, где мы купили небольшой домик на побережье. Не беспокойтесь, она не скучает. Не нужно думать о ее работе, главное – обеспечить ее безопасность.

– Вы говорили, что боитесь за них, а сейчас вспомнили, что они отдыхают в Крыму и часто ездят за границу, – заметил Дронго.

– Это было раньше, – быстро произнес Пурлиев, – сейчас они постоянно дома и никуда не выезжают. Я понимаю, что от нынешних властей в Ашхабаде можно ждать любой пакости. Особенно после того, как я начал активно поддерживать оппозицию.

– Давно?

– Что? – заерзал в кресле гость.

– Давно вы начали поддерживать оппозицию? – уточнил Дронго. – Вы ведь сказали, что не были замешаны ни в чем подобном и вас несправедливо обвинили. Подобные расхождения могут отбить у меня охоту заниматься вашим делом.

Пурлиев нахмурился.

– Тогда – да, а сейчас я действительно их поддерживаю. И хочу, чтобы в нашей стране начались по-настоящему демократические перемены, – несколько пафосно воскликнул он.

Дронго переглянулся с Вейдеманисом и спросил:

– Когда это началось?

– Примерно два месяца назад.

– И вы сразу решили обратиться ко мне за помощью?

– Да, именно так.

– Тогда я не совсем понимаю, зачем вы им нужны. «Великий вождь» уже умер, а новому лидеру вы не должны быть интересны.

– Я поддерживаю связи с демократическими группировками туркменской оппозиции в Москве, – настойчиво повторил Пурлиев. – Возможно, им это не понравилось, и они решили таким образом меня запугать.

– Никому не нравится, когда кто-то спонсирует деятельность оппозиции, – заметил эксперт.

Пурлиев дернулся и хрипло произнес:

– С вами опасно разговаривать, вы словно читаете мои мысли. Вы согласны мне помочь и завтра приехать к нам в Жуковку?

Дронго взглянул на молчавшего Вейдеманиса, на лице которого не отражалось никаких эмоций.

– Я готов выплатить любой гонорар, – добавил Пурлиев. – Мне нужна ваша помощь, не забывайте, что речь идет о моей семье. Назовите вашу сумму.

– Посмотрим, – наконец ответил Дронго. – Мы продумаем с моим напарником план действий и решим, чем именно можем вам помочь.

– Но завтра вы приедете? – настойчиво повторил Пурлиев.

– Да, – кивнул Дронго, – часам к двенадцати, если вас это устроит.

Глава 2

Эдгар проводил гостя и вернулся обратно в кабинет.

– Что ты об этом думаешь? – спросил он у Дронго.

– Типичная история бывшего чиновника, который сидел на бюджетном воровстве и, лишившись его, до сих пор переживает, мечтая снова вернуться в прежние времена. Их так много, и как только они лишаются кормушки, сразу вспоминают о демократии и кричат о тирании. Понятно, что этот тип сбежал отсюда не самым бедным человеком. Пока он устраивал «Великого вождя», ему позволяли воровать, а перестал устраивать, тут же выяснили, что он – коррупционер, прохвост, взяточник и вообще заговорщик. Все как обычно. В этом подлунном мире нет ничего нового. В этом Пурлиев прав.

– Я давно подозревал, что в конце концов ты станешь философом, – улыбнулся Вейдеманис. – Значит, хочешь ему отказать?

– Нет, – неожиданно ответил Дронго, – как раз наоборот, хочу познакомиться с ним и с его семьей поближе. И завтра утром отправлюсь к нему в Жуковку.

– Ты поверил в его рассказ? Даже я почувствовал, что он все время нервничает. Этот его характерный жест, когда он постоянно дотрагивался до подбородка, явно выдает его волнение и ложь. Он лгал, пока разговаривал с тобой, дергался, отводил глаза, нервничал, отвечая на твои вопросы. Это было очень заметно со стороны, и ты наверняка обратил внимание на его поведение.

– Именно поэтому мне стало интересно. Почему он вообще к нам пришел? Ведь он российский гражданин, и его семья тоже получила российское гражданство. Выдать их Туркмении невозможно, даже по российской Конституции. А нынешние власти в Ашхабаде никогда в жизни не пойдут на такой рискованный шаг, попытавшись выкрасть кого-то из российских граждан, даже если он поддерживает и спонсирует оппозицию. Из-за одного сбежавшего вороватого чиновника портить отношения с Москвой – просто глупо. И нецелесообразно. Но он пришел к нам и утверждает, что за ним следят. Почему? Во-первых, почему следят, если действительно следят? С какой целью? Убить или выкрасть российского гражданина, даже если он купил себе гражданство, очень опасно и грозит непредсказуемыми последствиями для туркменских властей. Ссориться с Москвой из-за Пурлиева – слишком непозволительная роскошь. Во-вторых, почему он пришел именно к нам? Он мог нанять частных детективов и частных телохранителей для своей охраны. Судя по его месту жительства и часам на руке, он человек достаточно обеспеченный. Почему он так настойчиво искал встречи именно со мной? В чем здесь тайна? Мне хотелось бы ее понять. И, наконец, в-третьих. Как ты правильно заметил, он, придя к нам, все время нервничал, дергался, лгал и очень неохотно отвечал на вопросы, касающиеся его состояния и положения. И даже семьи. А в конце разговора сообщил, что действительно поддерживает оппозицию, и это делает понятным возможное наблюдение за ним представителей туркменских спецслужб. Тогда я спрашиваю себя – что вообще происходит? Почему он пришел к нам? Только для того, чтобы нас обмануть? В чем состоит истинная причина его появления и такого настойчивого желания встретиться именно с нами? Я не знаю ответов на эти вопросы. А когда я не знаю ответов, я начинаю размышлять, пытаюсь понять истинный замысел. В данном случае понять его до конца пока не могу.

– И поэтому хочешь разобраться, – кивнул Эдгар. – Честно говоря, я думал, что ты его просто выгонишь, когда он начал путаться, нервничать и признался, что поддерживает оппозицию.

– Он пришел не за этим, – пояснил Дронго, – там был второй, а может, и третий уровень, который он тщательно скрывает. Но обида на бывшего вождя, безусловно, присутствует. Посмотри в Интернете, что там можно найти на этого бывшего чиновника.

– Сейчас сделаю, – ответил Вейдеманис и вышел из кабинета.

Дронго посмотрел на телефон. Нужно позвонить Джил. Он обещал перезвонить ей сегодня утром. Но разница с Италией достаточно большая, и там еще раннее утро. Странно, что она вообще терпит такую невероятную семейную жизнь, когда он сидит в Москве, а она с детьми живет под Римом. Нужно обязательно ей перезвонить. Интересно, почему Пурлиев не нанимает обычных телохранителей для своей семьи? Обязательно надо задать ему этот вопрос, который явно напрашивается. И еще один важный момент, на который Дронго обратил внимание. Гость все время говорил о том, что эксперта хорошо знают в Москве сотрудники правоохранительных служб. Что это? Оговорка по Фрейду? Или ему действительно нужен именно Дронго? Тогда для чего? С какой целью?

Вернулся Вейдеманис, и по его довольному виду эксперт понял, что в Интернете были материалы на их гостя. Эдгар протянул распечатанные листы бумаги:

– Сбежал из Туркмении десять лет назад. Один из главных подозреваемых в хищении особо крупных сумм по газовому контракту с австрийцами. Его тогда обвинили в завышении инвестиционных сумм на полмиллиарда долларов. И сбежал он за полтора месяца до покушения на Ниязова. Таким образом, он не имеет никакого отношения к так называемой группе оппозиционеров, которые появились сразу после покушения. Его объявили в международный розыск через Интерпол. Можешь себе представить, какие суммы он уплатил, чтобы ему дали здесь российское гражданство, после того как он попал в список Интерпола? Его отец был секретарем райкома, дядя – директором хлебокомбината. В общем, этот молодой человек в детстве тоже не голодал, а во время заключения сделки сумел сделать себе неплохие дивиденды, о которых узнал и сам Туркменбаши. Можно сказать, что Пурлиев взял «не по чину», и это ему не простили. Обычная история зарвавшегося чиновника. Непонятно, зачем он причисляет себя к пострадавшим. Он скорее обычный расхититель, сделавший деньги на этом контракте. Речь шла о сумме в сто миллионов долларов. Кстати, его инвестиционная компания стоит почти пятьдесят миллионов долларов, как раз половина украденных им денег.

– Что и требовалось доказать, – кивнул Дронго.

– И ты собираешься заняться делом этого жулика? – удивился Эдгар. – Не слишком ли большая роскошь?

– Не слишком. Что-то подсказывает мне, что мы обязаны заняться этим делом. Он не просто жулик, очень опасный человек, и нам нужно понять, почему он пришел именно к нам.

Дронго и его друг даже не подозревали, насколько верными окажутся их предположения и какие трагические события произойдут во время расследования этого необычного дела.

Вечером Эдгар перезвонил Пурлиеву и сообщил, что эксперт готов помочь необычному клиенту в его противостоянии с туркменскими властями. Пурлиев сдержанно поблагодарил, не выказав особой радости, но уточнил, когда именно приедут эксперты.

Утром следующего дня они отправились в Жуковку – один из самых элитарных поселков под Москвой. На строго охраняемую территорию их пропустили после того, как уточнили их фамилии и получили разрешение хозяев проехать на территорию. У дома Пурлиевых их встретил мужчина лет пятидесяти, с гладко выбритым черепом и мрачным лицом.

– Вас уже ждут, – сообщил он гостям, проводя их в дом, где в гостиной ждал сам Ягмыр Пурлиев. Он был одет в светлые брюки, темно-синюю рубашку и вельветовый пиджак голубого цвета.

Пурлиев энергично пожал руки гостям, приглашая их к уже накрытому столу.